

Александр Алексеевич Быков

Патриарх Никон



Александр Алексеевич Быков
Патриарх Никон
Серия «Жизнь замечательных людей»

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175667

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Глава I. В мордовской семье	7
Глава II. Священник и монах	16
Конец ознакомительного фрагмента.	24

А. А. Быков
Патриарх Никон
Биографический очерк
С портретом Никона,
гравированным в
Лейпциге Геданом



Глава I. В мордовской семье

Многочисленное и когда-то сильное чудское племя мордва заселяет среднее Поволжье с очень отдаленных времен. Связи ее с русскими возникли еще до IX века, когда новгородские ушкуйники¹ пробирались по Волге на восток, но до XII века влияние русских колонистов было ничтожное, пока не появились ростовские и суздальские князья. Правда, обрусение мордвы совершается крайне медленно и типы этого племени мало отличаются в наше время от тех, которые жили в эпоху смутного времени. Все мордвины среднего роста, коренасты, плечисты, светловолосы, причем оттенки переходят от белокурого до темно-каштанового; глаза преимущественно серые, стальные, нередко серо-голубые. Попадаются среди них иногда большого роста, обладающие физической силой, и такие типы надо считать наиболее чистыми с точки зрения происхождения. Необходимо заметить, что еще в половине прошлого столетия значительная часть мордвы сохраняла всецело свои языческие верования, и даже теперь находятся верующие в “бога богов” и “мать землю”.

В начале XVII века нынешняя Нижегородская губерния называлась Низовою землею и была заселена мордвою с небольшой примесью русских. Часть мордвы исповедовала

¹ Речные разбойники (В.И. Даль)

христианство, имела в многолюдных селах церкви, отличалась трудолюбием и известною степенью зажиточности; кроме общего всем землепашества, некоторые деревни занимались и занимаются до сих пор овцеводством. Среди селений в ту эпоху известны были Княгинин, Вельдеманово, Григорово, Колычево и другие; ближайшие города – Васильсурск и Нижний Новгород, а уважаемая всеми православными святыня – Макарьев-Желтоводский монастырь, второй по древности в Низовой земле, основанный св. Макарием Унженским (скончался 25 июля 1444 года). Несмотря на политические волнения, потрясавшие в конце XVI и в начале XVII веков всю Россию, мордвины жили спокойно, пахали землю и вовсе не интересовались тем, что делалось вне их округа.

В последние дни кратковременного царствования Федора II Годунова у молодого вельдемановского крестьянина Мины родился сын Никита. Это произошло 24 мая 1605 года. Приблизительно в это же время в соседних русских селах Григорове и Колычеве также родились два мальчика, жизнь которых странно переплелась с жизнью новорожденного Никиты: в первом – священнику Петру, родом также мордвину, попадья Марья подарила сына Аввакума, впоследствии знаменитого расколоучителя, а у колычевского священника Ивана родился сын Павел, позднее епископ Коломенский и тоже расколоучитель. Как можно догадываться, Никита был первенцем у болезненной молодой матери по имени Мариамна, которая вскоре после родов умерла. Малютка остался

на руках Мины, который недолго оставался вдовцом и женился вторично. Кто была родом мачеха Никиты и как ее звали, неизвестно, сохранилось только указание, что своим характером она вполне оправдала обычную славу мачех на Руси; приведя в дом Мины своих детей от первого брака, она принялась бесцеремонно преследовать маленького Никиту, пользуясь выгодами своего положения полноправной хозяйки в избе. Правда, первые годы своей жизни малютка провел в избе какой-то Аксины, взявшей на себя попечение о ребенке по сердоболию. На пятом или на шестом году мальчик вернулся к отцу, и тогда началось его грустное житье-бытье.

“Берега” в крестьянском быту выражается исключительно заботою накормить и напоить, поэтому мачеха старалась своих собственных детей покормить как можно лучше, тогда как бедному Никите чаще всего доставался черствый хлеб, приправляемый бранью и колотушками. Мальчик вынужден был буквально вести “борьбу за существование” при самых невыгодных условиях; как-то с голодухи он полез в подполье, чтобы раздобыть что-нибудь съестное; возвратившаяся откуда-то мачеха накрыла его в момент совершения “преступления” и в сильном негодовании на пасынка такхватила его по спине, что тот скатился по ступенькам обратно в подполье и долго пролежал без сознания. Правда, Мина отколотил жену, узнав об этой истории, но бедному Никите было не легче от этого, тем более что мачеха без стеснений вымещала на мальчике всю брань и все побои, получаемые от мужа.

В общем, положение ребенка было не из завидных, и единственно только бабушка его, мать Мины, обращалась с ним ласково и дружелюбно, но, лишенная власти и значения в семье, она не могла вполне охранить внука-сиротку. Постоянно одетый в лохмотья, в сравнении со сводными братьями, Никита чуть не замерзал в зимние дни и нередко прятался в печь, чтобы согреться. Как-то случилось, что он забрался в печь рано утром, пока мачеха не начала топить; последняя, умышленно или неумышленно, наложила дров, сколько следовало, и затопила печку. Вздремнувший было Никита проснулся и начал отчаянно кричать, задыхаясь от дыма и жара; прибежавшая со двора бабка вытащила в отсутствие невестки дрова и таким образом спасла мальчика от смерти.

Благодаря относительно равнодушию отца и ненависти мачехи, которая безжалостно “учила” пасынка, маленький Никита рос в семье тихим неразговорчивым ребенком, безответным перед побоями, а тем более перед попреками. Никеша с большим удовольствием уходил из дома и любил на свободе предаваться размышлениям. О чем мог мечтать крестьянский мальчик, лежа на траве в поле или в лесу, сказать, конечно, трудно, но можно угадывать, что мачеха занимала не последнее место в его думах: как он вырастет и “заставит” ее быть доброю и справедливою, как он сам будет во всем соблюдать правду и “заставит” других быть такими же. В этих уединенных прогулках “дармоед” сошелся, как указывает предание, с девочкою, бывшей на несколько лет мо-

ложе его; можно догадываться, что это была сестра Павла, будущего епископа Коломенского, дочка колычевского священника. Благодаря этому знакомству Никеша попал в дом отца Ивана, представлявшего прямую противоположность григоровскому священнику Петру: один был тих, начитан и даже образован, любил беседовать о божественном и заниматься садоводством, другой же все свободное время посвящал пьянству. В доме колычевского священника у Никеша смутно пробудилось желание учиться и знать по возможности все; у доброго, сострадательного священника он отдыхал душою от злобной воркотни и побоев мачехи, беседуя с отцом Иваном и играя с Павлушей и Настею. Встретясь где-то с Миною, священник уговорил его позволить мальчику учиться, и рассудительный мордвин согласился воспользоваться услугамибатюшки. С этих пор в жизни Никиты произошла благоприятная перемена, так как он почти переселился в Колычеве и потому избавился от преследований мачехи; произошло это в год воцарения Михаила Федоровича Романова. Года три продолжалась такая жизнь. Никита выучился читать и писать, книжная премудрость увлекала его все дальше и дальше, и он осыпал своего наставника расспросами до такой степени, что загонял его в тупик.

В то время, когда любознательный и пытливый мальчик старался изведать и усвоить всю мудрость божественного писания, составлявшего основу тогдашнего образования, Мина решил, что для крестьянина его Никеша достаточно знает,

что пора ему посерьезнее помогать отцу в хозяйстве. Учение поэтому прекратилось, мальчик остался дома и снова началась война с упрямой и ограниченной мачехой. Но жизнь в Колычеве не прошла бесследно, она развила в ребенке самостоятельность и энергию; прежде он ограничивался следами и терпеливо переносил побои, не позволяя себе протестовать против обращения мачехи, теперь он стал огрызаться и изыскивать способы избавиться от непрошенных колотушек. Самым простым из них был уход из дома. Никита так и сделал. Обдумав на досуге, с возможною для его лет рассудительностью, все шансы побега и припомнив рассказы отца Ивана, Никита взял тайком у отца немного денег и на двенадцатом году жизни покинул Вельдеманово. Миновав Колычево, Никита смело пошел на север и на берегу Волги достиг Макарьев-Желтоводского монастыря, где братия приняла его охотно, считая мальчика бездомным и бесприютным сиротою.

Пришелец особенно понравился священнику Арсению, который взялся руководить его образованием. Этот Арсений, позднее иеромонах Спасского Космодемьянского монастыря Антоний, был образованный монах и, как можно догадываться, боярского рода; сын его Илларион достиг звания архимандрита Нижегородского Печерского монастыря, а в мае 1657 года был поставлен рязанским архиепископом. Никита принялся с Арсением усердно изучать священные книги, в часы досуга упиваясь его рассказами о прелестях мона-

стырской жизни, далекой от житейских дрызг и посвященной исключительно служению Богу. Тихо и спокойно проходила жизнь молодого отшельника, и только один случай взволновал его и произвел сильное впечатление. С несколькими служками монастырскими отправился Никита гулять по окрестностям монастыря; невежественные служки задумали навестить живущего на берегу Волги знаменитого колдуна, родом мусульманского татарина или, что вероятнее, язычника-мордвина. Представительный обитатель темного леса обратил внимание на интеллигентное лицо Никиты, всмотрелся в него и неожиданно поставил его в тупик своим резким вопросом.

– Какого ты рода?

– Я простолюдин, – ответил правдиво мальчик.

– Ты будешь Великим Государем над царством российским! – уверенно и вдохновенно произнес колдун, пронизывая его взглядом.

И мальчик долго оставался задумчивым, размышляя над пророчеством, но не прекращая своих занятий с Арсением. Пятый год его пребывания в обители подходил к концу, когда неожиданно явился в монастырь на богомолье вельдемановский крестьянин, друг и приятель Мины. Он разыскал Никиту, передал ему поклон от отца и приглашение вернуться домой, где бабушка его лежала при смерти. Доброе чувство шевельнулось в Никите, когда он вспомнил добрую и ласковую старушку, и он решил исполнить желание отца,

тем более, что односельчанин передал ему, между прочим, о смерти нелюбимой мачехи. С уверенностью можно сказать, что дело не обошлось без советов Арсения, и семнадцатилетний Никита возвратился в Вельдеманово, где принял последнее благословение от бабушки. Как принял его отец, неизвестно, но можно думать, что дружелюбно и даже с уважением как начетчика², тем более, что, вероятно, от второй жены у него не было детей, а пасынки поумирали. Несмотря на свои нестарые годы, Мина вскоре после возвращения сына стал хворать и затем умер, не достигнув сорока лет. Никита остался наследником всего крестьянского хозяйства отца, который рассчитывал, что сын не откажется от сохи и не бросит земли-кормилицы.

Уступая увещаниям покойного отца и советам соседей, молодой хозяин женился, чтобы иметь в доме хозяйку. Предание указывает, что его женою сделалась бывшая подруга его детских игр, колычевская Настасья Ивановна. Беседы с дряхлеющим отцом Иваном и яркие воспоминания о созерцательной жизни в монастыре только усилили в Никите Минове отвращение к крестьянской жизни, полной прозаических хлопот и забот. Он стал подумывать о том, как бы покинуть отцовскую избу насовсем, и решил стать священником. Тесть согласился уступить ему свой приход, чтобы самому жить на покое; тогда Никита поехал в Нижний Новгород хлопотать у только что назначенного архиепископа Суз-

² Церковный чтец (В. И. Даль)

дальского Иосифа. Благодаря рекомендации отца Ивана и его сравнительно большой начитанности хлопоты довольно быстро увенчались успехом, и на двадцатом году жизни Никита Минов был поставлен в священники и в 1625 году назначен в село Колычево на место отца Ивана.

Глава II. Священник и монах

Отец Никита зажил тихою и спокойною жизнью приходского священника в селе Колычеве. Безукоризненное исполнение им своих обязанностей снискали ему всеобщее уважение, а строгая полумонашеская жизнь еще более возвысила его в глазах прихожан, всегда отличающих тех батюшек, у которых слово поучения в церкви не расходится с частною жизнью поучающего. А прямолинейность отца Никиты заслуживала, действительно, полного внимания: раз придя к заключению в чем бы то ни было, он не считал возможным кривить душою и уклоняться с намеченного пути; слава о его неподкупности и беспристрастии разнеслась далеко, и о нем говорили с почтением не только в Колычеве и окрестных деревнях, но и в Нижнем Новгороде, куда Минову нередко приходилось ездить по разным делам. В то время как его ровесник, а может быть, и товарищ по детским играм Аввакум, сын григоровского священника, получивший приход одновременно с Никитою, подвергался целому ряду насилий и побоев за свой аскетизм и пуризм, Никита, несмотря на резкость в речах и поступках, никогда не подвергался личным оскорблениям, что в эту эпоху было не редкостью со стороны сильных карманом и властных людей. Крутой и властный в религиозных делах, Минов подкупал мягкостью и добротою в личных отношениях, и нижегородцы горячо расхвалива-

ли колычевского батюшку всем, кто приезжал в город по делам. Особенно сильное впечатление произвели эти похвалы на группу московских купцов, нередко являвшуюся в Нижний по торговым делам. Крайне недовольные своим приходским священником по разным причинам, они задумали переманить к себе в Москву Никиту. Немало пленяло их также то обстоятельство, что Никита очень часто говорил в церкви поучения, которые крайне нравились москвичам. Познакомясь лично, купцы стали убеждать Минова перейти к ним и наконец добились его согласия.

По выполнении некоторых формальностей Никита покинул с семьею свой приход и переселился в Москву, где его радостно встретили знакомые купцы. Сколько лет провел он на новом месте, сказать трудно, но перемена места службы своеобразно повлияла на отца Никиту; он стал задумываться, скучать и тяготиться своими обязанностями по приходу. Еще более усилилась его нервность после смерти третьего, и последнего, ребенка, которого он имел от Настасьи Ивановны. Впечатлительный священник, в котором, вероятно, воскресли приятные воспоминания о монастырской жизни, сопоставляя ее с московскою сутолокою, счел смерть детей за указание свыше, что ему необходимо покинуть суетный мир и отдаться молитве и размышлениям за оградой монастыря. С этой целью он так повлиял на любящую и кроткую жену, что та наконец согласилась отказаться от совместной брачной жизни и принять пострижение. Тогда он сам отвез

ее в Алексеевский монастырь, дал за нее приличный вклад и оставил новопостриженной монахине Анфисе небольшую сумму на личные расходы. Покончив так решительно с любимой женою, Никита из всего имущества взял только свою библиотеку, состоящую из духовных книг, и, отказавшись от должности, отправился на далекий север в Соловецкий монастырь святых Зосимы и Савватия.

Основание Соловецкому монастырю, раскинувшемуся на диких островах Белого моря, положил св. Савватий (умер 23 сентября 1435 года), родом новгородец. Новгородская республика не любила граждан, выдающихся по уму, и вынуждала их покидать родину. Благодаря этому появлялись ушкуйники, покорившие Великому Новгороду обширные земли от Ильменя за Каменный Пояс, то есть за Уральские горы. Когда ушкуйничество прекратилось, даровитые новгородцы стали уходить на службу в Москву и Вильно, сделавшись родоначальниками знаменитых фамилий, например, Романовых, Шереметевых, Неплюевых, Колычевых, Мусиных-Пушкиных, Апраксиных, Салтыковых, Морозовых, Шеиных, Тучковых, Шестовых, Строгановых и других. Чувствовавшие больше склонности к созерцательной жизни уходили в дремучие леса и основывали монастыри, из которых многие знамениты до настоящего времени; их устроители причислены к лику святых. Из числа этих ревнителей строгого православия был и Савватий. Не удовлетворяясь дремучими лесами и непроходимыми болотами, он ушел

на дальний север к океану и в лодке перебрался на один из Соловецких островов. Ему нашелся подражатель, св. Зосима (скончался 17 апреля 1478 года), и затем слава о строгой жизни островитян-отшельников разошлась по всей России. Соловецкий устав состоял из нескольких уставов, измененных сообразно потребностям того или другого скита; самые суровые правила были в Анзерском ските, расположенном на острове Анзере, в 20 верстах от собственно Соловецкой обители. Братия, которой в первой половине XVII века было в ските 12 человек, жила вместо келий в отдельных избах, разбросанных по всему островку и выстроенных собственными руками. В субботу вечером все сходились в церковь, и богослужение совершалось целую ночь, причем перед сидящими монахами читалась вся псалтырь, а с наступлением дня совершалась литургия. Затем все расходились по своим избам на целую неделю, обрекая себя на молчание, молитву и тяжелую физическую работу. Монахов, подвижающихся в таком суровом отшельничестве, уважали повсеместно, и поморские рыболовы считали своею обязанностью снабжать братию рыбою в виде подаяния. Богатые люди также не пропускали случая пожертвовать что-нибудь анзерским пустыникам, а из Москвы ежегодно шла царская руга, то есть царское жалованье живущим в ските: по три четверти хлеба на человека, иногда же и деньгами. Здесь подвизался боярский сын Федор Степанович Колычев, принявший схиму с именем Филиппа и достигший звания митрополита Московско-

го (с 20 июля 1566 года по 8 ноября 1568 года) при Иване Грозном, который велел его задушить 9 января 1570 года.

В этот-то печальный и неприветный приют направился священник Минов, покончив свои дела в Москве. Он явился к настоятелю скита Элеазару и принял пострижение с именем Никона, безусловно подчинившись строгому уставу; все время проводил он в упорном труде и молитве, так что братия не могла им нахвалиться, свободное же время посвящал чтению духовных книг своей библиотеки, часть которой подарил скиту. Пострижение Никона произошло в 1635 году, и до 1641 года жизнь нового схимника шла ровно и спокойно, без всяких изменений. В 1641 году старец Элеазар, благоволивший также к Никону, решился взять его с собою для сбора подаяний на построение новой церкви; была у него при этом какая-нибудь цель или нет, сказать трудно за неимением сведений, хотя можно предполагать, что лукавый старец поступил так не без умысла. Сборщики прибыли в Москву и очень успешно выполнили свою обязанность, так что успели собрать до пятисот рублей тогдашней стоимости; затем Элеазар и Никон возвратились в скит. С этих пор между ними начались рознь и крупные неприятности. Корыстолюбивый Элеазар хотел хранить деньги в ризнице, ключи от которой были в руках преданного ему ризничего, а прямолинейный Никон, которому, вероятно, настоятель показал себя в настоящем свете во время поездки, настоятельно добивался, чтобы деньги, собранные на церковь, хранились в особом со-

хранном месте, “дабы их не отняли лихие люди”. Намек был очень прозрачен, так как про воров и разбойников в обители Савватия и Зосимы ничего не было слышно, но сторону Никона приняли некоторые монахи, и Элеазар был лишен возможности распоряжаться строительным капиталом бесконтрольно. Ссоры и перебранки дошли до того, что враги не могли равнодушно смотреть друг на друга, а настоятель, пользуясь своим положением, стал теснить Никона и громогласно заявлял братии, что Никон являлся ему в сновидении, и черный змей обвивал его шею, как бы собираясь его задушить. Для бывшего священника вернулась жизнь в Вельдеманове при мстительной мачехе, его преследовали и старались извести, тем более что Элеазар без стеснений говорил, что берет на себя грех убиения “строптивого”; такая расправа в “мужицком” монастыре, пополнявшемся почти исключительно из “новгородских мужиков”, была не редкостью на уединенном островке, и Никон стал серьезно опасаться за свою жизнь, но уступать было не в его правилах.

Как когда-то в Вельдеманове, так и в Анзере, Никон задумал бежать от преследований. Какой-то поморский богомолец, склонный сам к монашеской жизни и часто посещавший скит, вызвался помочь бегству; принял участие в этом еще один монах, единственный сторонник Никона, и то тайный. Втроем они оснастили лодку, доставленную богомольцем украдкой в закрытую бухточку, собрали провизии на несколько дней, уложили книги, составлявшие единственное

богатство Никона, и темною осеннею ночью монах благословил двух отважных беглецов, покидающих навсегда Анзерский скит. Надо знать Белое море, его скалы и бури, его неисследованную прихотливость, чтобы понять всю безумную смелость попытки бежать неизведанным путем с островка. Пловцы отправились на юг по Онежской губе и выбрали длиннейший путь; на Лопарский или Летний берег было бы им ближе, но они рисковали попасть в безлюдную местность, тем более что Лопарский берег против устьев Кеми, Выга, Сумы, Ухты и Нименги усеян подводными скалами и голыми островками. С молитвою покинул Никон с богомольцем обитель, где он провел почти семь лет, и без компаса, по изредка мелькающим звездам, отправился в путь; больше трех суток носило их на лодке, наконец разразилась буря, и лодку с полузамерзшими гребцами выкинуло на обнаженный берег какого-то островка, верстах в пятнадцати от впадения реки Онеги в губу. Придя в себя, Никон в благодарность за свое спасение водрузил на возвышенном месте деревянный крест, а затем стал изыскивать с товарищем средства продолжать путь; оказалось, что лодка может еще служить, но из библиотечки уцелели только две книги. С этими пожитками странники перебрались с островка Кия на твердую землю и тут почему-то расстались. Одинокó продолжал Никон свой путь и вскоре прибыл в нынешний Каргопольский уезд Олонецкой губернии, на берег озера Коже, среди которого на островках возвышался Кожеозерский монастырь, или пу-

стынь, упраздненная по штатам 1764 года. Игумен потребовал от странника вклад, без которого никто не принимался, и Никон отдал свои последние две книги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.